

ОБРАЗ РЕБЕНКА В ЯЗЫКЕ КАРЕЛЬСКОЙ ПЕСНИ

Н.А. Пеллинен

*Институт языка, литературы и истории,
Карельского научного центра Российской Академии Наук
nataliapellinen@mail.ru; nataliapellinen@gmail.com*

В работе сделана попытка постичь основы мировоззрения матери на материале карельских колыбельных песен с помощью метафор, обозначающих ребенка. При анализе разбитых на группы метафорических замен автором сделаны предположения о культурных, педагогических, социальных, философских предпосылках воспитания ребенка в карельской семье. Обращено внимание также на вопросы половой инициации ребенка и табу на имена в языке карельской колыбельной песни.

Ключевые слова: колыбельная песня, карельский язык, культура, метафора, народная педагогика, язык фольклора.

В колыбельной песне две основные темы: обращение ко сну с просьбой усыпить младенца и пожелание ему счастливой судьбы. Изучение картины мира, представленной в колыбельной, может приблизить исследователя к пониманию основ мифологического мышления матери, так как в байке ребенок — тот центр, вокруг и для которого все происходит [9]. В данной статье внимание будет сфокусировано на использовании метафоры, обозначающей ребенка в колыбельной, которая является своеобразным отражением мировоззрения матери.

Метафора — вид тропа, образованного по принципу сходства; одно из средств усиления изобразительности и выразительности речи. Сложность изучения метафоры во многом обусловлена ее семантической двуплановостью. В графическом комплексе метафоры реализуется как переносное значение слова, лишенное собственного звучания (написания) и образующее внутренний инносказательный план, так и прямое зна-

чение (эта составляющая метафоры имеет собственное звучание (написание), но инородно по отношению к контексту) [8].

Е.М. Мелетинский, изучая поэтику фольклора, отмечает, что рождение образов в языке связано с особенностями мышления человека, не выделявшем себя из окружающего мира и переносившем на природу собственные свойства [10]. А.Н. Веселовский в «Исторической поэтике» делает предположения о зарождении образности языка, когда по принципу параллельного переноса признака с одного члена параллели на другой образованы метафоры типа «кора дерева — кожа», «хребет горы — спина» и др. [1].

Термин «метафорическая замена» (далее — МЗ) был предложен исследователем русских причитаний К.В. Чистовым. Под МЗ ученый подразумевает устойчивые метафоры, заменившие в частности термины родства при обозначении участников похоронного или свадебного обряда [14].

Иногда замена в причитаниях ближе к метонимии или к синекдохе, но различия не имеют существенного значения [12]. Следуя традициям исследования плачей видными карельскими учеными А.С. Степановой и У.С. Конкка, а также осознавая взаимос-

вязь между различными видами фольклора, в частности, плачами и колыбельными песнями, вероятно, вполне оправданно использовать термин «метафорическая замена» также при рассмотрении образа ребенка в языке карельской колыбельной песни.

1. МЗ — характеристика ребенка по внешним физическим признакам

Miepä laulan lapsellani, Kieltä pieksän pienelläni, Soitan hoikkasormellani...	Я пою моему ребенку, Треплю языком для малыша, Играю для тоненьких пальцев.
--	---

Другие МЗ этого типа: *kierosuu* ‘кривой рот’, *maitosuu* ‘молочный рот’, ‘молокосос’, *piimäleuka* ‘подбородок в простокваше’, ‘молокосос’, *tukkapiä* ‘волосая голова’. На наш взгляд, МЗ, относящиеся к названной группе, могут вызвать наибольший интерес. Структурно эти метафоры представляют собой сложное слово: *kiero* + *suu* (‘кривой’ + ‘рот’), *tukka* + *piä* (‘волосы’ + ‘голова’) и т.д. Определение в таких конструкциях выражено прилагательным или существительным в значении прилагательного, определяемое слово — существительным. При более близ-

ком знакомстве с карельским фольклором становится понятен принцип построения МЗ этой группы. Прибалтийско-финские языки являются языками конкретными, то есть обладающими четкой, конкретной семантикой в сравнении, скажем, с русским языком. При создании метафоры сознание матери выносит на первый план характерные внешние признаки младенца. Действительно, как еще иносказательно назвать малыша, если пальчики у него маленькие, рот при плаче часто искривлен, а ребенок

2. МЗ — сопоставление ребенка с птицами

Nuču, nuču, nurmilintu, Väčy, väčy, väistärikki...	Спи, спи, луговая птица, Устань, устань, трясогузка...
---	---

еще находится на грудном вскармливании и т.д.

Из 30 рассмотренных в данной статье МЗ 9 относятся к так называемой «птичьей» лексике, кроме приведенных выше примеров это также: *alli* ‘утка-морянка’, *kanani*

‘курочка’, *lempilintuni* ‘любимая птичка’, *linnun lennätin* ‘птичье крыло’, *linnunpoika* ‘птенец’, *lintuni* ‘птичка’, *peirponi* ‘зяблик’. По мнению этнолога И.Ю. Винокуровой, связь птиц с небом и близость их к Богу способствовали развитию представлений о них

3. МЗ — соотнесение с растительным миром.

Magoa, magoa, pikkaraine, Uinuo, uinuo, uvelmoine.	Спи, спи, маленький, Усни, усни, росточек.
---	---

как о чистых, хрупких и беспомощных созданиях. Этим птицы походят на детей [2].

В текстах рассмотренных на сегодняшний день колыбельных песен нам удалось выявить лишь три наиболее характерных мета-

форы, относящиеся к миру флоры: *kultani omenani* 'мое золотое яблоко', *tuomenkukka* 'цветок черемухи', *uvelmoine* 'росточек' (обращение к ребенку). Ранее, вероятно, иносказания, построенные на сопоставлениях

4. МЗ, отражающие кровную связь матери и ребенка.

Magoo, magoo, <i>maksazeni</i> , Uinoo, uinoo, udrazeni.	Спи, спи, <i>моя печеночка</i> , Усни, усни, моя бедняжка.
---	---

с растительным миром, в отношении ребенка были более распространены.

На данный момент нами зафиксировано лишь несколько метафор этого типа: напр. *setenyöni* 'мое семечко'. МЗ *maksazeni* 'моя печеночка' (в плачах под метафорой 'мак-

sazeni' понимается ребенок вообще [13]) не очень понятна современному человеку. У.С. Конкка отмечает, что исходной позицией образования метафорических замен вообще является наиболее древняя и глубокая кровнородственная связь: мать — дитя

5. МЗ — этнографизмы.

Onpa lasta kättyössä, Pieni lapsi pieluksilla, Vakahaini vuatteisissa.	Есть же младенец в зыбке, Маленький на подушках, Новорожденный в одеждах.
--	---

[7]. В русской традиции аналогом метафоры *maksazeni* является 'кровинушка'.

МЗ *vakahaini* букв. 'находящийся в коробе' объясняется тем, что до шестине-

дельного возраста ребенок у карел спал в коробе из дранки. К МЗ этой группы можно отнести еще: *hopijaini sauvan varsi* 'серебряная трость' (вероятно, символ

6. МЗ — отражение педагогических воззрений.

Aa, aa, ainoil lastu, Aa, aa, kuldaistugo!	A-a, a-a, единственное дитя, A-a, a-a, золотце!
---	--

опоры для родителей), *paikkariä* 'повязанная платком голова'.

Метафоры этой группы встречаются в текстах колыбельных наиболее часто: *kuukolkko* 'крашек месяца', *rup'u, rup'uste* (ласковое обращение к ребенку), *rieni* 'маленький', *riepokkaini* 'малыш', *rikkaraini* 'маленький', *sygeine* 'сорванец' (букв. 'зародыш'), *udrazeni* 'моя бедняжка', *vakavaini* 'спокойненький' и др. Очевидно, нежность языка колыбельной песни напрямую связана с особенностями воспитания в карельской семье: ласка, доброта, снисходительность были в основе воспитания младших детей. О.П. Илюха, ссылаясь на источники, пишет, что такая мера взыскания за вину, как побои, даже в отношении старших детей в карельских семьях употреблялась чрезвычайно редко; это могло произойти только при самом сильном гневе, которого карелы, благодаря своему спокойному характеру, умели избегать [5].

7. МЗ и выражение пола ребенка. Учитывая взаимосвязь колыбельной с другими жанрами фольклора, в частности, с причитаниями, интересно сравнить перечисленные выше МЗ с плачами. Отметим, что в языке карельских причитаний такие МЗ и производные от них как *alli* 'морянка', *kanani* 'курочка', *lintu* 'птица', *sorsa* 'утка' и др. применимы лишь при обращении к дочери. Обращение к сыну в карельских плачах представлено МЗ *kukko* 'петух', *omena* 'яблоко', *sauvan varsi* 'трость' и др. [13].

Отметим, что в записанных в XIX–XX веках карельских колыбельных песнях МЗ уже не несут в себе строгой половой идентификации ребенка. Так, МЗ *kultani omenani* 'мое золотое яблоко' и *hopijani sauvan varsi* 'сере-

бряная трость' в настоящее время могут использоваться для обращения к детям обоих полов. Тем не менее, полагаем, что метафорический язык древних колыбельных песен был более упорядочен. Появление первых колыбельных связывают с периодом средневековья, и представляется вероятным, что за время развития в их языке произошли определенные изменения.

В исследовании Е.И. Клементьева отмечается важность половой инициации младенца в карельском родильном обряде, когда повитуха, в зависимости от пола ребенка, заворачивала мальчика в пеленку из отцовской рубахи, девочку — в пеленку из станушки материнской рубашки [6].

8. Имя ребенка в колыбельной песне. Как полагают, в колыбельной ранее имя ребенка также не было принято произносить, это было табу [3]: опасались влияния злых духов. Д.К. Зеленин, отмечая сложность явления семейных табу на имена, выделяет в качестве первичной причины их появления «верования в магическую силу имени» [4]. Между тем, в колыбельных, записанных нами лично от сказительницы Сантры Ремшуевой (1914 г.р.), правило на запрет произнесения имени вслух перестало в настоящее время работать. Обращаясь ко сну, исполнительница часто заменяет слово *lapsi* 'ребенок' именем своей внучки, например:

Sivo Iron silmät kiini...	Завяжи глаза ты Ире...
------------------------------	------------------------

Заключение. Вышеизложенное как нельзя лучше иллюстрирует произошедшие в языке карельской колыбельной песни метаморфозы, а именно: изменение картины мира, отдаление человека от синкретических представлений о бытии. А.А. Потенба

отмечает, что связь с языком и символизм в большей степени сохранились в женской песне потому, что преимущественно женщина «является хранительницей обрядов и поверий давно застывшего и уже непонятного язычества» [11].

Список литературы

1. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. — Л., 1940. — 648 с.
2. Винокурова И.Ю. Пернатое царство в мифологических представлениях вепсов // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1998, №10. С. 49–58.
3. Евсеев В.Я. Колыбельные песни карел и других прибалтийско-финских народов // Вопросы литературы и народного творчества. Карельское книжное издательство, 1962, вып. 35. С. 37–61.
4. Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. 8. Л., 1929. — 151 с.
5. Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX в. — СПб, 2007. — 304 с.
6. Клементьев Е.И. Карелы: этнографический очерк. — Петрозаводск, 1991.
7. Конкка У.С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. — Петрозаводск, 1992. — 296 с.
8. Краткая литературная энциклопедия. Т.4. — М.: изд-во «Советская энциклопедия», 1967. —1024 стб. с илл.
9. Лойтер С.М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследования и тексты. — Петрозаводск, 2001. — 296 с.
10. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. — М., 1976. — 407 с.
11. Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. — Харьков, 1860. — 156 с.
12. Степанова А.С. Метафорический мир карельских причитаний. — Л., 1985. — 224 с.
13. Степанова А.С. Толковый словарь языка карельских причитаний. — Петрозаводск, 2004. — 304 с.
14. Чистов К.В. Причитания. — М.; Л., 1960. — 434 с.

IMAGE OF THE CHILD IN KARELIAN LULLABY LANGUAGE

N.A. Pellinen

*the Institute of Linguistics, History and Literature,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
nataliapellinen@mail.ru; nataliapellinen@gmail.com*

The paper makes an attempt to comprehend mother's basic mentality with the use metaphors of child in the Karelian lullaby. The author draws conclusions about cultural, pedagogical, social and philosophical preconditions of upbringing in the Karelian family analyzing metaphors broken into groups. The question about the child sexual initiation and the naming taboo in the Karelian lullaby language has also been considered.

Keywords: Karelian lullabies, the Karelian language, culture, folk pedagogy, metaphor, language of folklore.